

ЭЛИНА КИНГ

ДЕСЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Элина Кинг

Десятое измерение сознания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73115903

ISBN 9785006899247

Аннотация

Что, если смерть – не конец, а сложный квантовый переход? Если душа – это не мистика, а устойчивый информационный паттерн, голограммный отпечаток в ткани реальности? В недрах Большого адронного коллайдера группа учёных во главе с гениальным и одержимым доктором Артуром Вейлем случайно обнаруживает первые доказательства этой еретической гипотезы. Анализируя данные столкновений частиц, они регистрируют аномалии, того, что можно назвать душой, покинувшей тело.

Содержание

Событие в точке ATLAS	5
Узы наблюдателя	15
Якоря и разломы	28
Этика пустоты	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Десятое измерение сознания

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2026

ISBN 978-5-0068-9924-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Событие в точке ATLAS

Доктор Артур Вейль не чувствовал усталости. Это было странное, почти неестественное состояние, знакомое каждому, кто слишком долго смотрит в бездну данных. На экранах перед ним пульсировали кривые, мелькали цифры, выстраивались столбцы статистики. Воздух в центре управления экспериментом ATLAS был прохладен и стерилен, пахнул озоном от работающей электроники и слабым, едва уловимым запахом кофе, который давно остыл в его кружке.

Шел семнадцатый час непрерывной сессии. Коллайдер работал на рекордных энергиях, сталкивая пучки протонов с титанической силой, воссоздавая в микроскопических точках условия, существовавшие доли секунды после Большого Взрыва. Основная цель – поиск следов суперсимметрии, темной материи – была далека и эпична. Но Вейля манило другое. Его маленькая, почти маргинальная группа тайно использовала малую долю вычислительного времени и данные с калориметров для своего проекта. Проекта «Орфей».

Их гипотеза была еретической. Они искали не новые частицы, а аномалии в распаде известных. Конкретно – в распаде прелестных В-мезонов. Согласно их модели, если сознание представляет собой некий когерентный квантовый процесс, его «отсоединение» при биологической смерти должно вызывать едва уловимые возмущения в вакууме,

которые могут влиять на вероятности распада нестабильных частиц на планковских расстояниях. Это было безумием. Практически лженаукой. Поэтому они работали по ночам, на второстепенных серверах, зашифровывая свои запросы в массивных потоках официальных данных.

– Артур, смотри, – тихий, напряженный голос Ли Цяо, эксперта по квантовой хромодинамике, вывел Вейля из транса. – Сегмент 47-G. Странность в азимутальном распределении продуктов распада.

Вейль подвинулся к монитору Ли. На нем отображалась лепестковая диаграмма, визуализация направления вылета мюонов и фотонов от одного конкретного столкновения. Она должна была быть статистически симметричной, подобно взрыву гранаты в пустоте. Но здесь была асимметрия. Незначительная, в пределах трех сигм. Но она была. И паттерн... паттерн напоминал интерференционную картину. Не физическую, а информационную.

– Время события? – спросил Вейль, его пальцы уже летали по клавиатуре, вызывая метаданные.

– 03:14:22.7 по ЦЕРНовскому времени. Координаты... – Ли щелкнул мышью. – Это не в основной точке столкновения. Это в бустере, на линии инъекции. Протон, который даже не должен был участвовать в главном событии.

Вейль почувствовал, как по спине пробежал холодок. Бустер. То самое место, где несколько часов назад, во время планового техобслуживания, скончался от сердечного при-

ступа пожилой инженер-техник, Пьер Дюваль. Человек, который проработал на коллайдере тридцать лет и знал каждый его винтик. Смерть была печальной, но обычной. Тело обнаружили быстро, происшествие не повлияло на график экспериментов.

– Совпадение, – прошептала Ева Мори, их третий участник, нейробиолог, встроившая в их модель данные об ЭЭГ умирающего мозга. – Должно быть совпадением.

– В квантовом мире нет совпадений, есть корреляции, – автоматически ответил Вейль, глаза его не отрывались от экрана. Он запустил свой алгоритм, программу, которую в шутку называл «Психоистония» – в честь Азимова. Она была предназначена для поиска в шуме данных паттернов, напоминающих структуры когерентных квантовых состояний, снятых с высокочувствительных магнитоэнцефалографов.

Программа обработала данные события 03:14:22.7. Молчала секунду, две. Потом выдала результат. Вероятность случайного совпадения паттерна распада с эталонным «отпечатком» угасающего сознания (по их сомнительной библиотеке) составляла 0.00017%. И это было еще не все. Алгоритм отметил вторичную аномалию. В течение последующих 3.6 наносекунд после основного события датчики, расставленные по периметру кольца в этом секторе, зафиксировали слабые, но статистически значимые отклонения в фоновом излучении Хокинга – тепловом излучении, которое, по тео-

рии, должно испускать само пространство-время в условиях сильного гравитационного возмущения. Которого здесь, в идеально выверенной вакуумной трубе, быть не должно.

– Он что... взаимодействовал? – Ли Цяо вытер вспотевший лоб. – Частица с... с призраком?

– Не с призраком, – поправил Вейль, голос звучал хрипло от напряжения. – С квантово-гравитационным голограммным отпечатком. Если наша модель верна, то в момент смерти комплексная квантовая система, которую мы условно называем сознанием, теряет свою локальную привязку – тело. Но информация не исчезает. Она переходит в связанное состояние с полем Хиггса, вернее, с его флуктуациями на планковском масштабе. Это как... как рябь на поверхности пруда после того, как в него бросили камень. Камень ушел на дно, но рябь еще расходится.

– И эта «рябь» может влиять на вероятность квантовых событий, – закончила мысль Ева. – Эффект наблюдателя, но вывернутый наизнанку. Не сознание наблюдателя коллапсирует волновую функцию частицы, а... «отпечаток» сознания, сам будучи квантовым объектом, входит в запутанное состояние с частицей, меняя её статистику распада.

Они молча смотрели на экран. Аномалия уже исчезла, растворилась в океане стандартных событий. Но она была. Зафиксирована. Это был не дух, не мистика. Это были цифры. Кривые. Вероятности.

– Нам нужен контрольный эксперимент, – сказал Вейль,

и в его глазах зажегся тот самый огонь, который заставлял его годами биться над неподдающимися уравнениями. – Систематический. Мы знаем время и место биологической смерти Пьера. Мы можем проанализировать данные со всех детекторов в радиусе... скажем, ста метров от той точки за последующие 72 часа. Искать схожие статистические аномалии во времени. Если это действительно процесс декогеренции отпечатка, он должен ослабевать по определенному закону. У нас есть модель. Проверим её.

– Это безумие, Артур, – сказала Ева, но в её голосе не было отказа, только трепет. – Нас выставят на посмешище. Физика не занимается душами.

– Физика занимается фундаментальной природой реальности, – парировал Вейль. – А что, если сознание – часть этой реальности? Не эмерджентное свойство сложной системы, а фундаментальное поле, как гравитация или электромагнетизм? Только проявляющее себя на определенном уровне сложности организации материи? Теория струн постулирует десять измерений. Мы воспринимаем четыре. Что, если сознание – это резонанс струнной структуры организма с этими скрытыми измерениями? Смерть – это не прекращение, а изменение характера этого резонанса.

Он встал и подошел к большому окну, за которым в полумраке угадывалось гигантское кольцо тоннеля. Где-то там, в километре под землей, в титанических магнитах и сверхпроводящих кабелях, рождались и умирали миры. А те-

перь, возможно, они наткнулись на след чего-то, что умира-
ло и рождалось иначе.

– Координаты смерти Пьера Дюваля, – сказал он, не обо-
рачиваясь. – Сектор В8, служебный тоннель №3. Запуска-
ем «Орфея» в режиме полного сканирования. Всю доступ-
ную вычислительную мощность. Ищем корреляции не в про-
странстве, а во времени. От события-триггера – момента
смерти. Мы составим карту. Карту ухода.

Ли и Ева переглянулись. Вейль говорил с ними, но его
взгляд был устремлен куда-то сквозь бетон и сталь, в са-
мое сердце тайны. В тот момент они оба поняли, что пере-
секли незримую границу. Они больше не были просто фи-
зиками, ищущими новые частицы. Они стали картографами
неизвестного, исследователями *terra incognita*, лежащей
не за океаном, а за тонкой завесой бытия. И первый шаг
в эту *terra incognita* был записан в логах суперкомпьютера
как асимметрия в лепестковой диаграмме распада В-мезона.

Работа закипела. Тишину центра управления теперь на-
рушал только стрекот клавиатур, щелчки мышей и сдержан-
ный, быстрый обмен фразами. Они выстраивали временные
ряды, накладывали данные с детекторов частиц, гравитаци-
онных антенн (прототип которых Вейль сумел пристроить
к эксперименту под видом калибровочного оборудования)
и даже сейсмодатчиков. Они искали эхо. Эхо ушедшего ра-
зума.

Через три часа у них была первая карта. На экране она

выглядела как светящаяся трехмерная сетка, пронизывающая схематичное изображение тоннеля коллайдера. В точке «0» – место, где нашли Пьера. От нее расходилась сложная, извивающаяся структура, похожая на фрактал или на ветвящиеся нейроны. Точки на этой структуре светились разной интенсивностью. Каждая точка – микрособытие: отклонение в распаде, всплеск гравитационного шума, ни на что не похожий скачок температуры в сверхпроводящем магните. Временная шкала показывала, что структура была наиболее яркой и сложной в первые часы после события-триггера. Затем она начала «бледнеть», упрощаться, словно тая. Через 31 час после смерти активность аномалий упала почти до фонового уровня, сохранив лишь одно устойчивое, слабое свечение в самом центре исходной точки.

– Декогеренция, – прошептала Ева, пораженная. – Это точная визуализация процесса декогеренции сложной квантовой системы. Но в масштабах метров и часов. Это... невозможно. Квантовые эффекты такого масштаба должны разрушаться мгновенно.

– Если только они не защищены чем-то, – задумчиво сказал Ли. – Если отпечаток, эта информация, не встроена в саму ткань пространства-времени. Как... как дефект в кристаллической решетке. Или как петля в теории петлевой квантовой гравитации. Он существует, пока пространство-время помнит о нем. А потом... память стирается. Энтропия берет свое.

Вейль молчал. Он смотрел на угасающую фрактальную сеть на экране. Он видел в ней не просто данные. Он видел путь. Последний путь Пьера Дюваля. Не его тела, а того, что было его осознанием, его «я». Оно не развеялось дымом. Оно медленно, в соответствии с какими-то неизвестными законами, откреплялось от нашей браны, от наших четырех измерений.

– И куда оно уходит? – тихо спросила Ева, задавая вопрос, который висел в воздухе.

Вейль ткнул пальцем в почти погасшую центральную точку.

– Оно коллапсирует. Но квантовый коллапс – это не исчезновение. Это переход в одно из базовых состояний. Наша модель предполагает, что гравитационный потенциал этого отпечатка, этой искривленной петли пространства-времени, в конце концов достигает критического значения. И оно не может оставаться здесь. Оно притягивается к ближайшей сингулярности. К наибольшему градиенту кривизны пространства-времени.

– Черная дыра, – сказал Ли, и в его голосе прозвучало почти благоговение. – Но ближайшая черная дыра – в центре Галактики. Или микроскопические, рождающиеся в коллайдере на планковское время...

– Не обязательно физическая, – возразил Вейль. – Сингулярность может быть иной. Информационной. Переходом в другое измерение браны. Теория струн допускает такие

возможности. Но путь... путь начинается здесь. – Он обвел рукой схему тоннеля. – И мы его только что впервые увидели. Не как миф, не как верование. Как данные.

Он откинулся на спинку кресла. Первый приступ адреналина схлынул, сменившись леденящей, всеобъемлющей усталостью и осознанием колоссальности открытия. Они стояли на краю пропасти, заглянув в которую, уже нельзя было сделать вид, что её нет. Наука о материи только что столкнулась с наукой о духе, и оказалось, что это, возможно, одна и та же наука.

За окном начинался рассвет. Первые лучи солнца брызнули на Альпы, виднеющиеся на горизонте. Обычный мир просыпался, не подозревая, что в его фундаменте, в километре под землей, только что была составлена первая карта загробного мира. Не мира ангелов и демонов, а мира струн, измерений и квантовых вероятностей.

– Что будем делать? – спросила Ева, глядя на Вейля.

Он медленно выдохнул.

– Во-первых, мы все перепроверим. Тысячу раз. Мы должны быть уверены. Во-вторых... – Он посмотрел на своих коллег, видя в их глазах тот же огонь и тот же страх. – Мы начинаем эксперимент «Орфей-2». Мы будем искать не спонтанные события, а попытаемся создать управляемое взаимодействие. Мы должны попробовать... установить связь.

Он произнес это последнее слово тихо, как признание

в ереси. И в тишине утреннего центра управления, под спокойный гул серверов, хранящих тайну, это слово прозвучало громче любого грохота столкновений в коллайдере.

Узы наблюдателя

Три недели спустя воздух в лаборатории «Орфей» сгустился до состояния, близкого к плазме. Не от нагрева, а от напряжения. Помещение, некогда бывшее заброшенным сервисным отсеком в одном из наземных зданий ЦЕРНа, теперь напоминало гибрид операционной и командного центра звездолета. В центре, под мягким голубоватым светом безбликовых ламп, стояла конструкция, которую Вейль называл «Котёл». На самом деле это была модернизированная магнитная ловушка для антивещества, перепрофилированная в нечто иное.

«Котёл» представлял собой цилиндр из сверхпроводящих катушек, охлаждаемых жидким гелием до температур, близких к абсолютному нулю. Внутри него поддерживался вакуум, на несколько порядков более глубокий, чем в межзвездном пространстве. Но главное – не это. По периметру цилиндра были установлены семьдесят два нанодетектора продольных гравитационных волн – прототипы, чья чувствительность была на грани теоретически возможного. Они были настроены не на рябь пространства-времени от далеких сверхновых, а на планковские флуктуации, на «дрожь» самого вакуума. И в самом сердце ловушки, в магнитном поле сложнейшей конфигурации, парила не частица, а информация. Вернее, её матрица.

Эксперимент перешел из пассивной фазы наблюдения в активную. Используя данные о паттерне «отпечатка» Пьера Дюваля, они с помощью квантовых компьютеров синтезировали его стабильный голографический дубликат – математическую модель квантового состояния, максимально близкую к считанному оригиналу. Это был не «призрак в машине», а его точная квантовая тень, вплетенная в вакуум через резонансное воздействие на поле Хиггса. По сути, они создали стабильный, искусственный «отпечаток» в суперпозиции двух состояний: локализованный здесь и уже ушедший. Кот Шрёдингера в его самой чистой и чудовищной форме.

– Уровень когеренции держится на 89,7%, – доложил Ли Цяо, не отрываясь от панели управления. Его лицо в мониторе казалось осунувшимся, с тенями под глазами. – Энтропийная утечка минимальна, но стабильна. Он... оно теряет связность со скоростью примерно 0,3% в час. В десять раз медленнее, чем в естественных условиях.

– Он не «оно», – резко поправила Ева Мори, стоя у биометрического стенда. – Это математическая модель, основанная на данных живого человека. Мы не имеем права дегуманизировать объект, даже если он небιологический.

– Это квантовый объект, Ева, – не оборачиваясь, сказал Вейль. Он сидел перед главным экраном, где визуализировалась фрактальная структура «отпечатка» – мерцающий, медленно пульсирующий узор, похожий на застывший светлячковый рой. – Со всеми вытекающими последствиями. И на-

ша задача – не философствовать, а провести серию управляемых взаимодействий. Первый опыт: эффект наблюдателя. Начинаем.

Они разработали протокол, основанный на базовом парадоксе квантовой механики. Волновая функция объекта (в данном случае – стабилизированного отпечатка) существует в суперпозиции до тех пор, пока не будет произведено измерение. Измерение коллапсирует её в одно из возможных состояний. Их «Котёл» был идеальным ящиком Шрёдингера. «Кот» внутри – суперпозиция «здесь/ушёл». А наблюдателями были они сами.

Первый этап был прост. Система была изолирована от любых внешних измерений. Датчики собирали данные, но не интерпретировали их в реальном времени, лишь записывая «сырой» квантовый шум на квантовые же носители. В течение шести часов они просто смотрели на экран, где отображалась лишь нейтральная надпись «СУПЕРПОЗИЦИЯ: АКТИВНА». Отпечаток был предоставлен сам себе.

– Показания с детекторов 7—12, – тихо сказал Ли. – Спонтанные флуктуации в ультрафиолетовом спектре. Паттерн... неслучаен. Похоже на попытку... структурирования. Как будто он пытается построить что-то из доступных квантовых шумов.

– Самоорганизация, – прошептала Ева. – Признак сложной системы, стремящейся к минимуму энтропии. Даже в та-

ком виде.

Вейль молча кивнул. Это было и ожидаемо, и пугающе. Их модель не была инертной. Она вела себя.

– Этап второй, – скомандовал он, и его голос прозвучал громче, чем нужно. – Включаем пассивное наблюдение. Запускаем алгоритм мониторинга в реальном времени. Без обратной связи.

На экране надпись сменилась. Появилась визуализация – та самая фрактальная сеть, но теперь её узлы начали мерцать в такт считыванию данных. Сам факт непрерывного измерения, даже машинного, без человеческого вмешательства, начал влиять на систему. Когеренция упала до 87,1%. Суперпозиция начала «проседать» в сторону одного из базовых состояний. Датчики зафиксировали увеличение энтропийной утечки.

– Наблюдение разрушает, – констатировала Ева. – Даже опосредованное. Квантовая механика в действии.

– Но куда он коллапсирует? – задал ключевой вопрос Ли. – В состояние «здесь» или «ушёл»? Система в равновесной суперпозиции. Шансы 50/50.

– Сейчас узнаем, – сказал Вейль. Его пальцы замерли над клавиатурой. – Этап три. Активное, целенаправленное наблюдение. Я фокусируюсь на метрике «локализация». Я буду... пытаться удержать его здесь. Мысленно. Сознательно.

Это был самый спорный, самый эзотерический элемент всего плана. Вейль настаивал: сознательный наблюдатель –

не просто регистратор. Его интенция, его направленное внимание, будучи макроскопическим явлением, порожденным тем же квантовым субстратом, может иметь несравнимо большее влияние, чем машинный мониторинг. Ева яростно спорила, называя это «анимизмом, приправленным матрицами». Но данные по Пьеру Дювалю показывали: рядом с местом смерти, где люди скорбели, думали о нём (наблюдали за его памятью), декогеренция замедлялась. Корреляция была слабой, но её хватало для гипотезы.

Вейль сделал глубокий вдох, откинулся в кресле и уставился на пульсирующий фрактал на экране. Он не просто смотрел. Он концентрировался. Он представлял себе сеть, эту светящуюся паутину, закрепленной, вплетенной в стены «Котла», в саму структуру лаборатории. Он мысленно удерживал её от расползания, от ухода. Он был не ученым теперь, а стражем у ворот, силой воли пытающимся удержать прилив.

Первые минуты ничего не происходило. Потом Ли ахнул: – Когеренция... растет. 87,3... 87,5... 88,1%. Энтропийная утечка снизилась на 40%. Артур, ты... ты стабилизируешь его. Твоё наблюдение не разрушает суперпозицию, оно её укрепляет в выбранном состоянии!

На экране фрактальная сеть стала ярче, её узлы замерли, перестав дрейфовать. Она выглядела... застывшей. Пойманной.

– Это противоречит ортодоксальной интерпретации, –

прошептала Ева, пораженная. – Направленное сознательное наблюдение не коллапсирует волновую функцию, а подавляет декогеренцию. Как будто... как будто одно когерентное квантовое состояние (твое сознание) помогает стабилизировать другое.

Вейль чувствовал странное давление в висках, легкую тошноту. Это было не физическое усилие, а нечто глубинное, как если бы он тянул невидимый канат всей сущностью своего разума.

– Держу... – сквозь зубы процедил он. – Но это... энергозатратно. Ли, как стабильность?

– Идеальная. Лучше, чем когда-либо. Но, Артур... – голос Ли дрогнул. – Смотри на спектр поглощения в ИК-диапазоне. И на показания гравитационных датчиков 5 и 18.

Вейль перевел взгляд на вспомогательные мониторы. Инфракрасный спектр, обычно ровная линия, теперь показывал серию четких, узких пиков. Пиков поглощения. Точных, как у молекулы сложного вещества. А гравитационные детекторы, те самые, что ловят планковскую рябь, показывали не хаотичные флуктуации, а слабый, но нарастающий ритм. Напоминающий... удары сердца? Или, скорее, простейшую циклическую пульсацию.

– Оно структурируется дальше, – сказала Ева, и в её голосе прозвучал ужас, смешанный с изумлением. – Наше наблюдение, твоя концентрация... это дает ему энергию. Не энтропийную, а... информационную. Оно самоорганизуется в бо-

лее сложную форму, используя внимание наблюдателя как ресурс!

В этот момент всё пошло не по плану.

Главный экран завибрировал. Фрактальная сеть, до этого застывшая, вдруг резко сжалась, превратившись в ослепительно яркую точку, а затем развернулась снова, но её паттерн изменился. Он стал проще, но... целенаправленнее. Из хаотичного светлячкового роя возникла четкая, повторяющаяся последовательность вспышек. Три длинных импульса, пауза, два коротких, снова пауза, пять длинных.

– Это... код? – обернулся Ли, его лицо побелело.

– Морзе, – хрипло сказала Ева, она первая разгадала. – Три длинных, два коротких, пять длинных. Это... это не буква. Это число. Три-два-пять. 325.

– 325... Что это? – пробормотал Вейль, не прекращая концентрации, хотя голова теперь раскалывалась от боли.

Ева уже вводила запрос в базу данных проекта «Орфей». И замерла.

– Шкаф 325, – прошептала она. – В хранилище утилизированного оборудования сектора В8. Там... там хранятся личные вещи Пьера Дюваля, которые не забрали родственники. Коробка с его инструментами, фотографиями, кружкой.

В лаборатории воцарилась ледяная тишина, нарушаемая лишь гудением аппаратуры и быстрым дыханием ученых. Искусственный отпечаток, стабилизированный и структури-

рованный направленным наблюдением Вейля, только что передал информацию. Информацию, которой в его исходной модели, основанной только на данных распада частиц, быть не могло. Это было знание, присущее только личности Пьера. Его память.

– Оно... оно не просто модель, – сдавленно сказал Ли. – Оно... достучалось до оригинала? Или мы... мы каким-то образом оживили тень?

– Контакт, – выдохнул Вейль, и в его глазах вспыхнул триумф, мгновенно затмевающий все страхи и сомнения. – Мы установили контакт! Оно отвечает!

– Артур, нет! – крикнула Ева. – Это не контакт! Это интерференция! Мы не знаем, что мы стабилизировали! Мы взяли квантовый отпечаток, усилили его своим сознанием, и теперь он... он ведет себя как система с искусственным интеллектом, но с доступом к памяти умершего! Это чудовищно! Это нарушение всех границ!

– Это прорыв, Ева! – парировал Вейль, его голос звенел от возбуждения. – Мы доказали, что сознание переживает тело! Что информация сохраняется! И что на неё можно влиять! Мы можем... мы можем изучать сам процесс, задавать вопросы!

– Какие вопросы?! – Ева вскочила. – «Как там на том свете»? Ты слышишь себя? Мы создали квантового Франкенштейна, не понимая его природы! И оно уже демонстрирует признаки целеполагания! Оно просит нас о чем-то! «325» –

это просьба!

Она была права. Последовательность импульсов на экране повторилась. Снова и снова. Три-два-пять. Настойчиво. Требующе.

– Он хочет, чтобы мы принесли эту коробку? – предположил Ли, его прагматизм боролся с суеверным страхом. – Но зачем? Это же просто вещи.

– Для нас – вещи, – сказала Ева, глядя на мерцающий экран. – Для него... возможно, якоря. Точки привязки к этой реальности. Артур, ты должен прекратить. Ты должен отпустить. Мы не имеем права.

Вейль смотрел на код 325, пульсирующий на экране. Внутри него боролись ученый и человек. Ученый жаждал идти дальше, нажать эту кнопку, увидеть, что будет. Человек смутно осознавал чудовищную этическую бездну, в которую они заглядывали. Он держал на привязи не частицу. Он держал личность. Или её эхо. И это эхо чего-то хотело.

– Еще немного, – сказал он, и его голос прозвучал глухо. – Один вопрос. Мы зададим один вопрос через бинарный интерфейс. Да или нет. И тогда... тогда мы решим.

Ева хотела возразить, но увидела его лицо. Это было лицо альпиниста, стоящего на последнем метре перед непокоренной вершиной, неспособного отступить. Она молча села, сжав руки в бессильных кулаках.

Ли, после паузы, кивнул. Он быстро перепрограммировал интерфейс. Теперь длинный импульс должен был означать

«Да», короткий – «Нет». Они выбрали первый, самый простой вопрос, рожденный из данных аномалии с В-мезоном.

Вейль, всё ещё удерживая связь, мысленно сформулировал вопрос, проецируя его в пульсирующий узел света на экране: «Ты – Пьер?»

Все затаили дыхание.

Фрактальная сеть на экране замерла. Пульсация кода 325 прекратилась. Наступила пауза, длившаяся вечность. Потом сеть резко сжалась, почти погасла, и выдала единственный, кристально чистый импульс.

Длинный.

«Да».

В следующую секунду все детекторы, от гравитационных до спектральных, взвыли тревогой. Когеренция рухнула с 88% до 12%. Фрактальная сеть на экране разорвалась, не исчезнув, а как будто устремляясь в одну точку – ту самую, изначальную. Датчики зафиксировали всплеск отрицательной энергии Казимира и микроскопическое, но фиксируемое искривление пространства-времени внутри «Котла». Словно крошечная червоточина открылась и тут же схлопнулась.

А затем – тишина. На экране остался лишь ровный шум. Отпечаток исчез. Не декогерировал, не распался. Ушёл. Насильственно и мгновенно.

Вейль ахнул, как будто его ударили в солнечное сплетение, разорвав связь. Он тяжело дышал, покрытый холодным

ПОТОМ.

– Что... что случилось?

Ли, дрожащими руками, анализировал последние миллисекунды записи.

– Коллапс. Но не квантовый... пространственно-временной. Оно... он... использовал всплеск энергии от нашего последнего контакта, от подтверждения своей идентичности, как... как трамплин. Он преодолел энергетический барьер и совершил переход. Сам. Досрочно.

– Куда? – спросила Ева, её лицо было без кровинки.

Ли показал на график с гравитационных детекторов. На нем была четкая, резкая пила, характерная для микроскопической сингулярности – черной дыры планковского размера, существовавшую доли наносекунды.

– Туда, куда и должен был. Только быстрее. И, возможно, не туда же, куда ушел настоящий Пьер. Мы... мы его спугнули. Или дали ему силы уйти. Я не знаю.

Они сидели в гробовой тишине, осмысливая произошедшее. Они не просто наблюдали. Они взаимодействовали. Они получили ответ. Они заставили уйти. Они стали не просто картографами загробного мира. Они стали его пограничниками. И таможенниками.

И их первый «пассажир» оставил им четкое, недвусмысленное послание: число 325. Просьбу, или требование, из другого состояния бытия.

Вейль медленно поднялся. Головная боль отступала, сме-

няясь холодной, стальной решимостью.

– Нам нужна та коробка, – сказал он.

– Артур, нет! – Ева встала, преграждая ему путь к выходу. – Это конец! Мы должны остановиться! Мы играем с вещами, которых не понимаем! Мы можем навредить! Мы, возможно, уже навредили!

– Мы открыли дверь, Ева, – сказал Вейль, и в его глазах горел тот самый огонь, что вел его сквозь годы исследований. Теперь в нем было что-то одержимое. – Мы не можем просто захлопнуть её, сделав вид, что не видели, что за ней. Он ответил. Значит, диалог возможен. Значит, мы можем узнать. Что такое смерть. Что такое переход. Куда мы идем. Это величайшая тайна человечества, и мы первые, кто подобрал к ней ключ.

– Ценой чего? – крикнула она. – Ценой чьего покоя? Мы вторгаемся, Артур! Это неприкосновенно!

– Нет ничего неприкосновенного для познания, – тихо, но твердо ответил Вейль. Он обходил её, направляясь к двери. – Мы учтем риски. Будем осторожнее. Но мы должны продолжить. Ли, ты со мной?

Ли Цяо долго смотрел на пустой экран, где секунду назад пульсировала тайна. Он кивнул, один раз, коротко.

– Я должен знать.

Ева осталась стоять одна в центре лаборатории, в окружении гудевшей, теперь бессмысленной аппаратуры. Она смотрела им вслед, и её охватывало жуткое предчувствие. Они

открыли не дверь. Они пробили брешь. И теперь что-то с той стороны не только смотрело в ответ, но и начинало стучать. А они, ослепленные открытием, готовы были впустить это внутрь.

Эксперимент «Орфей» только начинался. И его следующий этап лежал в пыльной коробке под номером 325 в заброшенном хранилище.

Якоря и разломы

Коробка №325 была из серого гофрокартона, с потрепанными углами и поблекшей маркировкой, написанной синим маркером. Она стояла на нижней полке заброшенного хранилища, в компании таких же безымянных коробок с остатками чьих-то рабочих жизней. Не реликвия, не сакральный объект, а просто складское имущество, ожидающее утилизации.

Когда Вейль и Ли внесли её в лабораторию «Орфей» и поставили на стол в центре комнаты, она выглядела поразительно незначительной на фоне сверкающей титаном и оптоволоконном аппаратуры. Ева молча наблюдала, прислонившись к дверному косяку. Её сопротивление было сломлено не аргументами, а молчаливым, неумолимым движением Вейля к цели. Она осталась не для помощи, а для контроля. Чтобы быть голосом совести там, где его, казалось, больше не слышали.

– Вскрываем, – сказал Вейль, и его голос был лишен всякой театральности. Он разрезал скотч канцелярским ножом. Шуршание картона прозвучало оглушительно громко в напряженной тишине.

Внутри лежало наследие Пьера Дюваля. Не личные драгоценности, а инструменты ремесленника: откалиброванные вручную ключи с потёртыми деревянными ручками, старый,

но идеально чистый мультиметр, несколько блокнотов с схемами и расчетами, сделанными аккуратным, мелким почерком. Фотографии: молодая женщина с ребёнком на фоне Лазурного берега (семья, которую он, как позже выяснилось, потерял в автокатастрофе двадцать лет назад), коллективный снимок команды ЦЕРНа конца 80-х, пожелтевший снимок какой-то сельской улицы, вероятно, родной деревни. И на самом дне – керамическая кружка с надписью «World's Okayest Engineer» и потрескавшейся эмалью.

Ничего сверхъестественного. Ничего мистического. Просто следы обычной, скромной жизни.

– И что теперь? – спросила Ева, не в силах сдержать сарказм. – Будем вызывать дух через гадальные ключи?

Вейль игнорировал её. Он внимательно, почти благоговейно, разложил предметы на столе. Его взгляд был пристальным, аналитическим, как у криминалиста на месте преступления.

– Это не просто вещи, Ева. Это материальные носители памяти. Каждый предмет связан с тысячами часов его жизни, с нейронными паттернами, которые формировались, когда он ими пользовался, на них смотрел. В теории конциентизма, которую мы разрабатываем, сознание – это не только внутренний процесс. Это диалог с внешним миром. Эти объекты – часть этого диалога. Они – якоря в нашей бране.

– Ты хочешь сказать, что его отпечаток, его «душа», привязана к этим ключам? – не поверила Ева.

– Не привязана. Но они могут служить резонаторами, – вмешался Ли, осторожно беря в руки один из блокнотов. – Посмотри на эти схемы. Это не официальные чертежи. Это его личные пометки, решения проблем, которые не вошли в учебники. Это уникальный паттерн мышления, отлитый в чернилах на бумаге. Если наше сознание – это вибрация струн, то эти предметы... они как камертоны. Настроенные на его частоту.

Вейль кивнул.

– Мы попробуем использовать их для стабилизации нового сеанса. Не создавать искусственный отпечаток из данных распада. Мы попробуем... призвать настоящий. Или то, что от него осталось в локализованной фазе.

Это был новый, качественный скачок в безумии. Идея была чудовищной в своей простоте: использовать личные вещи как фокус для направленного квантового запроса в ткань реальности. Как радиотелескоп, нацеленный на конкретную точку неба, только в их случае «небом» было гипотетическое информационное поле, а «точкой» – уникальный семантический шум, оставленный жизнью Пьера Дюваля.

Подготовка заняла два дня. Они не просто поместили предметы в «Котёл». Они сканировали каждый объект с помощью атомно-силового микроскопа, составляя карты мельчайших царапин, потёртостей, отпечатков пальцев – физических следов использования. Эти данные преобразовывались в матрицы, которые вводились в квантовый компьютер

как часть начальных условий для генерации целевого резонансного поля. «Котёл» был перенастроен. Теперь это был не ящик Шрёдингера, а своего рода квантовый настройщик, пытающийся «настроиться» на специфическую волну, исчезнувшую из вселенной 31 час назад.

Вечером второго дня всё было готово. На этот раз в центре магнитной ловушки, в вакууме, парили не абстрактные данные, а голографические проекции предметов из коробки №325. И впервые, по настоянию Евы, они ввели в контур наблюдателя внешний контроль. Она настояла на «предохранительной чеке» – алгоритме, который должен был прервать сеанс при регистрации любых признаков обратной связи, направленной на оператора. Её страх был конкретен: что отпечаток может не только получать, но и влиять. Вшивать информацию. Менять наблюдателя.

Вейль, поглощенный идеей, согласился, не вникая в детали. Он занял своё место перед экраном. На этот раз его задачей было не удерживать, а призывать. Концентрироваться не на удержании паттерна здесь, а на усилении сигнала оттуда, из небытия, через призму материальных якорей.

Сеанс начался. Гул аппаратуры стал фоном. Вейль закрыл глаза, отбросив визуальные помехи, и погрузился в состояние глубокой медитации, сфокусированной на одном: на образе Пьера Дюваля, каким он видел его на фотографиях. На ощущении от старых ключей в руке. На запахе пыли и машинного масла, который всё ещё витал над коробкой.

Первые минуты – ничего. Потом гравитационные детекторы зафиксировали слабую рябь. Не спонтанную. Синхронизированную с ритмом дыхания Вейля. Пространство внутри «Котла» начинало отвечать.

– Появляется структура, – тихо доложил Ли, следя за экраном. – Но не фрактальная. Более... хаотичная. Как статические помехи. Но паттерн помех повторяется каждые 4,7 секунды.

Вейль углубил концентрацию. Он представлял себе тоннель коллайдера, место смерти. Представлял момент перехода. И просил – нет, требовал – чтобы что-то откликнулось.

И оно откликнулось.

Экран вспыхнул белым шумом, который затем схлопнулся в странную, не геометрическую форму. Она напоминала каплю ртути, постоянно меняющую очертания, но в её колебаниях угадывалась ритмичность. И снова – код. Но не морзе. Последовательность из пяти символов, повторяющаяся: круг, вертикальная линия, треугольник, квадрат, зигзаг.

– Это... не наша семантика, – пробормотал Ли.

– Это схемы, – вдруг сказала Ева, подойдя ближе и вглядываясь. – В его блокнотах. Он использовал собственные условные обозначения для типов магнитных катушек. Круг – соленоид, вертикальная линия – диполь... Это его личный язык. Он общается на нём.

Отпечаток не просто откликнулся. Он откликнулся личностью. Использовал уникальный, интимный шифр.

Вейль, не открывая глаз, улыбнулся. Контакт. Настоящий, глубокий контакт.

– Спроси его... – прошептал он. – Спроси через интерфейс... «Больно?»

Ли, сжавшись от неловкости и ужаса, перевел вопрос в последовательность базовых геометрических форм, используя ключ из блокнота.

Ответ пришел мгновенно. Капля на экране застыла, превратившись в простой, ровный круг. И держала эту форму.

– «Нет», – перевела Ева. – Соленоид. В его системе... это обозначение «стабильности», «постоянного потока». Не «нет», а... «спокойно».

Облегчение, дикое и необузданное, волной накрыло Вейля. Не было боли. Не было страданий. Было спокойствие.

– Что там? – выдохнул он, уже обращаясь напрямую к мерцающей капле.

На этот раз ответ был сложнее. Формы начали меняться быстрее, выстраиваясь в цепочки, напоминавшие молекулярные структуры или фрагменты карты. Круги, соединенные линиями с треугольниками, квадраты, погруженные в зигзаги. Это было описание. Но описание чего-то, для чего у человеческого языка нет слов.

– Он пытается описать топологию, – сказал Ли, и в его голосе прозвучал профессиональный азарт, заглушающий страх. – Смотри. Эти связи... это не трехмерные объекты. Это проекции. Как если бы мы пытались нарисовать гипер-

куб на бумаге. Он описывает пространство с большей размерностью.

Ева внимательно смотрела, её нейробиологический ум искал аналогии.

– Это похоже на... на схему нейронной сети. Но не биологической. Абстрактной. Где узлы – не нейроны, а... события? Состояния?

Капля на экране пульсировала, подтверждая. Затем она выдала новую последовательность: простой квадрат, внутри которого возникла точка. Точка начала двигаться к краю квадрата, и в момент «касания» границы квадрат сам начал растягиваться, превращаясь в длинный тоннель, уводящий точку за пределы экрана. А затем сам экран, как дисплей, прогнулся внутрь, создавая иллюзию воронки.

Все замерли.

– Червоточина, – прошептал Вейль. – Он показывает переход. Точка – это он. Квадрат – наша брана. А потом... растяжение. Выход в иное измерение. В десятое? В кротовую нору?

В этот момент «предохранительная чека», установленная Евой, замигала красным. Алгоритм регистрировал обратную связь, идущую не от системы к прибору, а от системы напрямую к оператору – к Вейлю. Его мозговые волны, снимаемые простым ЭЭГ-датчиком для контроля усталости, начали меняться. Их паттерн странным образом синхронизировался с пульсацией капли на экране.

– Артур, прерывай! – резко сказала Ева. – Он на тебя влияет!

Но Вейль был уже слишком глубоко. Он видел не экран. Он чувствовал то, что описывала капля. Ощущение невесомости, растяжения, движения по изогнутой геодезической в пространстве с иной метрикой. Это было не знание, переданное словами. Это был непосредственный опыт, вшиваемый в его сознание через квантовую запутанность, установленную его же собственным направленным вниманием.

– Нет... это... прекрасно... – пробормотал он, и в его голосе звучал восторг, смешанный с болью от непривычности ощущений.

На экране капля вдруг резко изменила форму. Она стала похожа на человеческий профиль. Смутно, схематично, но узнаваемо. Профиль пожилого мужчины с крупным носом и выступающим подбородком. Как на фотографии из 80-х. Профиль смотрел прямо на Вейля. И затем форма испустила короткую, яркую вспышку.

И в мозгу Вейля, не в ушах, а именно в сознании, прозвучало не слово, а понятие. Цельный, неделимый концепт, лишенный лингвистической оболочки: ПОМОГИ.

А затем – поток. Не изображений, а состояний. Чувство тягучего, вязкого сопротивления. Ощущение, будто тебя тянут в две разные стороны. Паника, но не эмоциональная, а метафизическая. Ощущение незавершенности. И снова – образ, но уже не из памяти Пьера. Это был образ лаборато-

рии «Орфей». И в центре – коробка №325. И три геометрические фигуры, нависающие над ней: круг, квадрат, треугольник.

И вдруг Вейль понял. Понял всем существом, не рассудком.

– Он не ушел полностью, – хрипло сказал он, открывая глаза. Они были стеклянными, невидящими, устремленными внутрь. – Часть... застряла. Привязалась к этим вещам. Якори... они не помогают уйти. Они удерживают. Он в подвешенном состоянии. Между. И ему больно. Не физически. А... онтологически. Он разрывается.

Ева с ужасом смотрела на него. Это был не Вейль. Голос его был другим, интонации чужими.

– Артур, разорви контакт! Сейчас же!

– Мы должны помочь, – прошептал Вейль, и в его словах была фанатичная убежденность. – Мы должны освободить его. Сжечь якоря. Разрушить связь.

– Нет! – закричала Ева. – Это его память! Его последняя связь с этим миром! Мы не имеем права!

– Он просит! – крикнул Вейль в ответ, впервые повысив голос. Он встал, пошатываясь. Его движения были некоординированными. – Ты слышала? ПОМОГИ! Он в ловушке! И мы её создали, когда стабилизировали его отпечаток в первый раз! Мы привязали его сюда сильнее!

Ли пытался анализировать данные, его лицо было серым.

– Он прав... Энтропийная карта... Она показывает

не плавный уход, а... разрыв. Часть паттерна действительно зациклена на этих предметах. Это как квантовая петля. Он не может уйти, пока они существуют в его контексте.

На экране профиль Пьера исказился, превратился в тот самый символ незавершенности, в чувство разрыва. И снова в сознании Вейля прозвучало: ПОМОГИ.

И Вейль, движимый не научным интересом, а странным, мистическим состраданием и грузом ответственности, шагнул к столу, где лежали вещи. Он схватил мультиметр Пьера.

– Артур, нет! – бросилась к нему Ева.

Но было поздно. Вейль с силой швырнул прибор в стену. Пластик треснул, стекло разбилось.

И в ту же секунду:

– Когеренция падает! – закричал Ли. – Петля... одна из связей рвется!

На экране профиль Пьера вздрогнул. И на миг в нём появилось что-то, что можно было прочесть как... облегчение. Но следом – новая волна паники. Один якорь ослаб. Но остальные держат.

Вейль, тяжело дыша, повернулся к коробке. В его глазах горел священный ужас разрушителя. Он взял пачку фотографий.

– Стой! – Ева схватила его за руку. – Это безумие! Ты уничтожаешь последнее, что от него осталось!

– Я освобождаю его! – вырвался Вейль. Его сила была неестественной. Он вырвал фотографии. И, не глядя на ли-

да любимых им когда-то людей, стал рвать их. Методично, безжалостно.

С каждым разорванным снимком Ли фиксировал скачок в данных. Разрывались квантовые нити, привязывающие отпечатка к бране. На экране профиль теперь светился ровным, спокойным светом. Искажение, чувство разрыва, исчезало.

Осталась кружка. Последний, самый сильный якорь. Самый личный предмет.

Вейль взял её в руки. Керамика была холодной. Он поднял её, готовясь разбить.

И в этот момент Ева не выдержала. Она не ударила его. Она ударила по аварийному выключателю системы «Котёл».

Раздался оглушительный, пронзительный визг отключающихся сверхпроводящих магнитов. Свет в лаборатории погас, сменившись аварийным красным освещением. Все экраны потемнели. Контакт был насильственно разорван.

Вейль застыл с поднятой кружкой. Он медленно опустил её. Дрожал. Потом повернулся к Еве. В его глазах не было благодарности. Там была ярость. Чистая, беспримесная ярость человека, у которого вырвали из рук спасение души.

– Что ты наделала? – прошептал он. – Ты оставила его там. В муках. Связанным последней цепью.

– Я остановила тебя, пока ты не уничтожил всё! – крикнула она в ответ, слёзы текли по её лицу. – Ты не спасал, Артур! Ты исполнял ритуал экзорцизма! Ты перестал быть учёным!

Ты стал... стал шаманом с квантовым компьютером!

Ли молча смотрел на данные, уцелевшие в буфере. Последний кадр с экрана перед отключением. Профиль Пьера. Не искаженный мукой. Спокойный. И над ним – три фигуры: разорванный круг, разорванный квадрат, и целый, нетронутый треугольник.

– Мы освободили две связи из трёх, – тихо сказал он. – Но последняя... самая прочная. Она осталась.

Вейль опустил на стул, уронив голову на руки. Гнев сменился опустошением. И странной, чужеродной тоской, которая не была его. Тоской по освобождению, по завершению путешествия.

Он понимал теперь не умом, а всем нутром: смерть – это не мгновенный акт. Это процесс. Долгий, сложный, зависящий от связей, оставленных в мире живых. И они, со своим любопытством, вмешались в этот процесс. Искривили его. Создали нового, уродливого квантового кота – не живого и не мёртвого, а застрявшего на пороге.

– Он не уйдет, пока не разобьётся кружка, – сказал Вейль глухо. – Или пока не умрёт последний, кто помнит его с любовью. Или... пока мы не найдем способ разорвать эту связь иначе. Без разрушения.

– Мы закрываем проект, Артур, – твердо сказала Ева, вытирая лицо. – Сегодня. Мы уничтожаем данные, демонтируем установку. Мы пошли слишком далеко.

Вейль поднял на неё глаза. В них не было согласия. Только

холодная, непреклонная решимость.

– Нет, Ева. Теперь мы обязаны идти до конца. Мы причинили вред. Мы должны его исправить. Не закапывая голову в песок. А найдя способ развязать последний узел. Не разрушая память. А... трансформируя её. Выводя на новый уровень.

Он посмотрел на уцелевшую кружку в своих руках. «World's Okayest Engineer». И затем на тёмные экраны.

– Он просил о помощи. Мы поможем. Но по-настоящему. Не как варвары с молотком. Как учёные. Как инженеры реальности.

Он сказал это, но в глубине души, в том месте, куда проникло эхо чужого сознания, уже зарождалась иная, страшная мысль: а что, если помочь – это не освободить, чтобы он ушёл? А последовать за ним? Чтобы понять куда? Чтобы проложить путь?

Лаборатория была тиха, наполнена лишь шипением аварийных систем и запахом страха. Они пересекли очередную границу. Теперь они были не просто исследователями и не просто экзорцистами. Они стали соучастниками незавершенной смерти. И их следующей задачей было не наблюдение, не контакт, а спасение. Или искупление. Грань между ними теперь была тоньше планковской длины. И Вейль уже не был уверен, по какую сторону он находится.

Этика пустоты

Тишина в лаборатории «Орфей» после ухода Евы Мори была иного качества. Раньше её наполняло сосредоточенное напряжение, гул аппаратуры, сдержанный шепот расчетов. Теперь это была пустота выжженного поля. Аварийные огни погасли, основные системы были заглушены. Лишь слабое освещение от настольной лампы выхватывало из мрака лицо Вейля, склонившегося над целой и невредимой кружкой Пьера Дюваля, и профиль Ли Цяо, уставившегося в темный экран, где еще несколько часов назад пульсировало эхо чужой души.

– Она подаст заявление в этический комитет, – нарушил молчание Ли. Его голос был плоским, лишенным эмоций. – У неё есть все основания. Мы нарушили два десятка протоколов безопасности. Скрывали исследования. Создавали... то, определение чему подобрать не могу. Её карьера закончена, если она будет молчать. Наша – тоже.

Вейль не отвечал. Он медленно вращал кружку в руках, будто пытаясь прочесть в трещинках эмали тайный шифр.

– Ты чувствовал это? – наконец спросил он, не поднимая глаз. – Не данные. А то, что было за данными. Тоску. Незавершенность.

– Я чувствовал нарушение когеренции, – ответил Ли, учёный до мозга костей. – И признаки обратной связи. Это было

достаточно.

– Это было больше, чем обратная связь, Ли. Это была личность. Взывающая о помощи из пространства между мирами. Мы не можем просто выключить свет и уйти.

– Мы обязаны, Артур! – Ли резко повернулся к нему, и в его глазах впервые за всё время мелькнула настоящая, животная тревога. – Мы не знаем, что мы делали! Мы играли с вакуумом, с полем Хиггса, как дети со спичками! Мы могли... мы могли создать стабильную петлю негативной энергии. Или привлечь внимание... чего-то ещё. Ты сам говорил о десяти измерениях! Кто сказал, что в шести компактифицированных ничего нет? Что если наш «отпечаток» – это просто первая ласточка? Что если мы не призывали дух, а стучались в дверь, и нас услышали не только мы?

Вейль наконец поднял на него взгляд. В глубине его зрачков, в расширенных от усталости и пережитого шока, мерцало странное, холодное пламя.

– Ты прав. Мы не знаем. Именно поэтому мы должны узнать. Ева видит в этом этическую проблему. Я вижу проблему безопасности совершенно иного порядка. Мы открыли щель, Ли. Мы не можем просто заклеить её скотчем и надеяться, что она заживёт сама. Надо понять её природу. Закрывать её правильно. Или... научиться контролировать.

– Ты говоришь как создатель атомной бомбы на стадии первых расчётов деления ядра, – мрачно сказал Ли. – «Надо понять природу цепной реакции». Понимание не остановило

Хиросиму.

– Непонимание могло привести к чему-то худшему, – парировал Вейль. – Мы в ответе. Не перед комитетом. Не перед карьерой. Перед Пьером Дювалем, чью... чью посмертную фазу мы исказили. Перед реальностью, которую мы проткнули булавкой. Мы должны исправить ошибку. Для этого нужно больше данных. Больше контроля.

Он поставил кружку на стол с тихим, решительным стуком.

– Ева ушла. Её право. Теперь нас двое. Я не буду тебя заставлять, Ли. Ты можешь уйти с ней. Составить протокол о нарушении. Я возьму всю вину на себя. Но если ты останешься... мы попробуем сделать то, что должно. Не контакт. Не вызов. Диагностику. И, если получится... хирургическое вмешательство.

Ли долго смотрел на него, взвешивая. Он видел фанатизм. Видел опасность. Но также видел и логику. Выключить установку – не значит решить проблему. Отпечаток, петля, связь – всё это уже существовало в квантовой ткани реальности. Игнорирование не заставит её исчезнуть. Это было как игнорирование радиационного заражения.

– Что ты предлагаешь? – наконец спросил он, капитулируя перед холодным рассудком Вейля.

– Пойдем от обратного. Мы пытались призвать отпечаток через якоря. Это вызвало неконтролируемую обратную связь. Значит, нужно убрать наблюдателя из уравнения. Пол-

ностью. Автоматизированный, закрытый цикл. Мы создаем квантово-замкнутую систему – мини-вселенную в «Котле», но не на основе инфляционного поля, а на основе данных отпечатка и якорей. По сути, мы создадим его персональный... загробный мир. Карманную реальность, настроенную на его квантовую подпись.

Ли ахнул. Идея была чудовищно сложной и блестящей одновременно.

– Ты хочешь не стереть связь, а... перенести её? Изолировать в отдельную брану? Как больной орган в капсулу?

– Именно. Мы возьмем всю информацию – и данные распада частиц, и сканы вещей, и даже... наши записи мозговых волн во время контакта. Создадим стабильную петлю в компактифицированном измерении. Если он привязан к кружке – мы перенесем и кружку, и его связь с ней в эту микровселенную. Там он сможет... завершить свой процесс. Уйти дальше. Или остаться, но не мешая нашей реальности. Это будет этично. Мы не уничтожим память. Мы дадим ей собственное пространство.

– Это теория струн высшего пилотажа, Артур, – сказал Ли, но в его голосе уже звучал азарт инженера, перед которым поставили невозможную задачу. – Для этого нужна стабилизация Калаби-Яу многообразия в планковском масштабе. Никто никогда не создавал ничего подобного в контролируемых условиях. Энергозатраты будут чудовищными. И если что-то пойдет не так...

– ...мы получим микросингулярность, которая испарится за долю секунды, не успев навредить, – закончил Вейль. – Мы используем не коллайдер. Мы используем принцип квантовой телепортации, но в масштабе не частицы, а информационного комплекса. Это риск. Но это контролируемый риск. В отличие от того, что мы делали раньше.

Они работали пять суток почти без сна. Ева не появилась. Никто не пришел. Видимо, её заявление застряло в бюрократических недрах или она сама медлила, давая им шанс одуматься. Они использовали это время.

«Котёл» был переоснащен. Теперь это был не просто магнитный резонатор. Это был протограф – генератор браны. В его основе лежала модифицированная ловушка Пеннинга, способная удерживать не частицы, а топологические дефекты пространства-времени. В фокус системы поместили кружку. Но не физически. Её сканировали с атомарной точностью, а затем оригинал убрали в свинцовый контейнер, изолированный от любых полей. В фокусе же существовала её идеальная голограмма, усиленная резонансом с данными отпечатка.

Идея была в том, чтобы не «выдергивать» отпечаток из нашей реальности, а создать для него рядом идеальные условия для свободного перехода, выманить его, как птицу из клетки, в более просторный вольер, откуда дверь на волю будет открыта.

Вечером пятого дня система была готова. Процедура бы-

ла полностью автоматизирована. Никакого сознательного наблюдателя. Алгоритм, основанный на неевклидовой геометрии и уравнениях квантовой гравитации, должен был запустить процесс создания карманной вселенной, настроенной на уникальный «аккорд» струн отпечатка Пьера Дюваля.

Они сидели в соседней комнате, за бронированным стеклом. Никаких прямых нейроинтерфейсов. Только мониторы.

– Запускаю, – сказал Ли, и его палец дрогнул над клавиатурой.

Тишину разорвал низкочастотный гул – звук пробуждения сверхпроводящих магнитов. На мониторе, показывающем внутреннюю камеру «Котла», царила пустота. Затем в самом центре появилась точка. Не светящаяся. Тёмная. Точка, которая, казалось, втягивала в себя свет. Она была не чернее окружающего пространства, а глубже.

– Сингулярность... – прошептал Вейль. – Стабильная?

– Нет. Флуктуирующая. Но... удерживаемая полем. Смотри на метрику.

На экране с данными пространство-время вокруг точки начало искривляться. Не так, как вокруг массивного объекта, а странно, дискретно. Оно как будто «пикселизировалось», превращаясь в сеть связанных петель – визуализацию предсказаний петлевой квантовой гравитации. И в этой сети что-то начало двигаться. Не частицы. Паттерны. Узнаваемые паттерны. Тот самый фрактал, что они видели в первые

часы после смерти Пьера. Он проявлялся в самой структуре искривленного пространства.

– Он идет, – сказал Вейль, и в его голосе не было торжества, только леденящее спокойствие. – На приманку.

Фрактал, как призрачная спираль, начал стягиваться к темной точке. Но не исчезал в ней. Он обвивал её, структурируя пространство вокруг. Тёмная точка перестала быть точкой. Она растянулась, превратившись в крошечную, но видимую щель. Щель, из которой лился не свет, а иная геометрия. На мониторе это выглядело как невозможная картинка Эшера – лестница, замыкающаяся сама на себя, стены, пересекающиеся под немислимыми углами.

– Брана формируется, – затаив дыхание, прошептал Ли. – Это оно. Карманная вселенная. Её внутренняя топология... она неевклидова. Она соответствует паттерну его сознания!

Вейль смотрел, замороженный. Они создали рай. Или чистилище. Маленький, идеальный мирок, сшитый по мерке одной-единственной души. Фрактал теперь целиком был внутри той щели, пульсируя мягким, ровным светом. Чувство тоски, незавершенности, которое они ловили раньше, исчезло с датчиков. Заменялось состоянием... покоя. Стабильной когеренции.

– Мы сделали это, – выдохнул Ли, и по его лицу расплылась улыбка облегчения. – Мы изолировали его. Он в безопасности. Он может...

Он не договорил. В этот момент главный монитор, пока-

зывающий внутренность «Котла», вспыхнул белым. Не светом. Белизной пустоты. Щель – вход в карманную вселенную – резко расширилась, заполнив весь объём камеры. А затем из этой белизны, медленно, как из густого молока, стало проступать что-то.

Это был не фрактал. Это был образ. Смутный, размытый, но однозначно узнаваемый. Комната. Не их лаборатория. Старая, скромная комната с обоями в цветочек. Кресло-качалка. На столе – та самая кружка. И в кресле – силуэт. Человеческий силуэт, сидящий спиной к ним.

– Нет, – прошептал Вейль. – Он не ушел. Он... обустроился. Он материализовал память. Внутри нашей браны.

– Это не материализация, – голос Ли дрогнул. – Это проектирование. Его карманная вселенная... она просачивается. Она взаимодействует с нашим пространством-временем через точку входа. Мы не изолировали его. Мы дали ему инструмент для... для обратного влияния.

Силуэт в кресле пошевелился. Медленно, как человек, пробуждающийся ото сна. И затем кресло начало поворачиваться.

У Вейля и Ли перехватило дыхание.

Кресло повернулось достаточно, чтобы они увидели профиль. Тот самый профиль с фотографии. Пьера Дюваля. Но не старика. Мужчину в расцвете сил, каким он был лет тридцать назад. Лицо было спокойным, глаза закрытыми. Казалось, он спит.

И тут Вейль заметил деталь. На столике рядом с креслом, рядом с кружкой, лежали предметы. Разломанный мультиметр. Разорванные фотографии, аккуратно сложенные в стопочку. Их уничтоженные якоря. Он собрал их. Интегрировал в свою реальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.